

«Кто ездил в Европу учиться, того можно без зазрения совести забирать»

Чем чревата связь с иностранцами в современной отечественной истории

Фото: Кавашкин Борис / Фотохроника ТАСС

17:28, 16 мая 2024,

Павел Гутионтов

обозреватель

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

Идет заседание Политбюро, обсуждают Сталинские премии 1947 года, докладывает заведующий отделом пропаганды Шепилов. Среди прочего он предлагает «понизить» уровень премии Эренбургу за роман «Буря» до второй степени: «французы изображены в романе лучше русских».

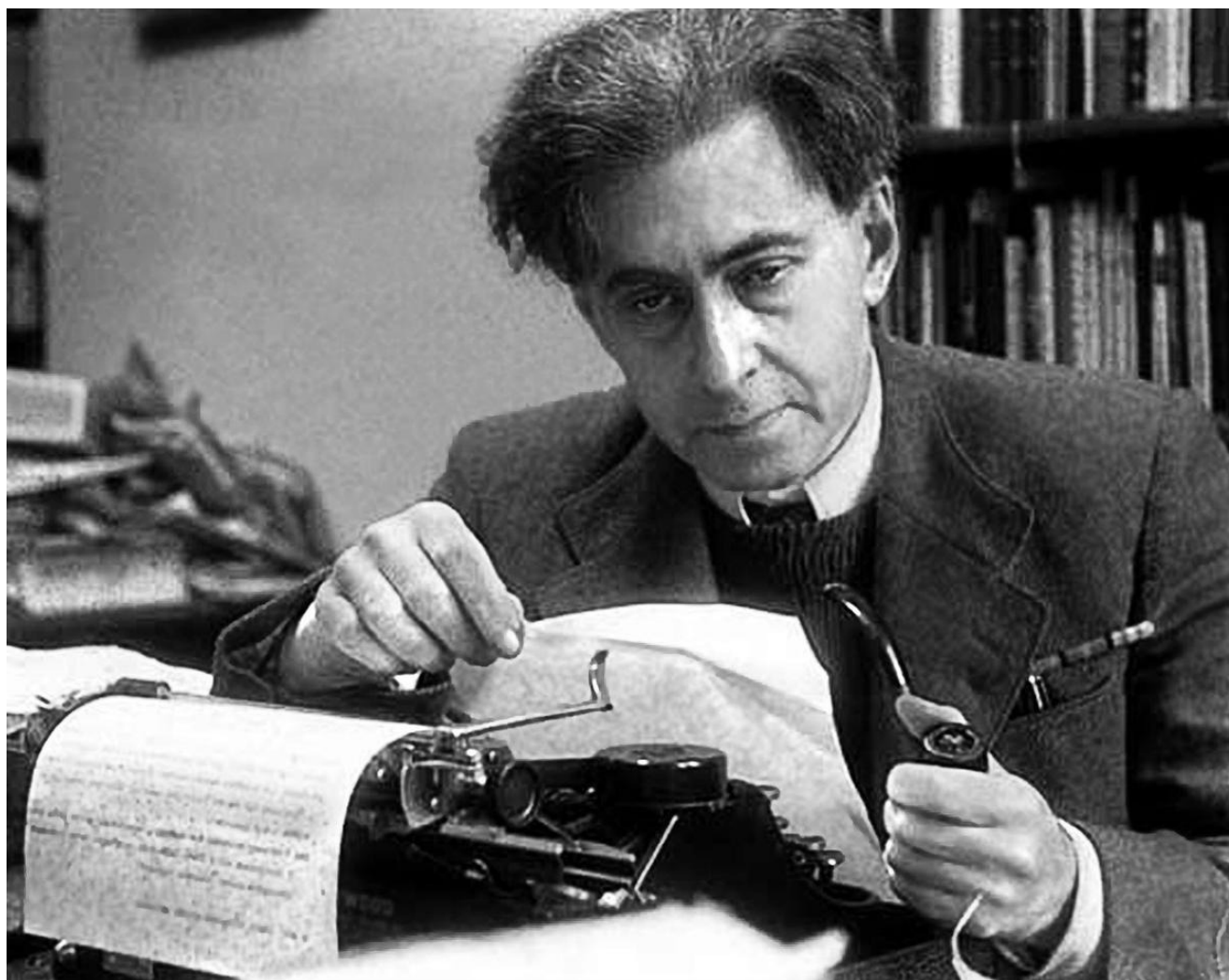
Сталин возражает:

— А разве это так? Разве французы изображены в романе лучше русских? Верно ли это?

Присутствующие Сталина (как ни странно!) горячо поддержали. Наперебой заговорили, что в романе «показаны любовь французских партизан и коммунистов к Советскому Союзу, показана и роль победы Советского Союза и в сознании этих людей, и в их работе».

В общем, дали роману «Буря» первую степень; жаль, что его никто сейчас не читает.

Кроме того, свидетельствуют очевидцы, Сталин отстаивал и право на любовь героев романа — советского гражданина Сергея и французки Мадо, а сомнения у присутствующих это вызвало: да бывает ли такая любовь, не принижает ли она советского человека, не дискредитирует ли его? И Сталин своим авторитетом санкционировал и любовь с французкой.

Илья Эренбург. Фото: википедия

«А вскоре после этого, — написал в своих воспоминаниях Эренбург, — Сталин продиктовал закон, запрещающий браки между советскими гражданами и иностранцами, даже с гражданами социалистических стран. Этот закон родил немало драм... Дела Сталина так часто расходились с его словами, что я теперь спрашиваю себя: не натолкнул ли его мой роман на издание этого бесчеловечного закона?»

Неблагодарное дело — перебирать варианты: что именно натолкнуло капризного и непоследовательного генсека на то или иное решение. Но Эренбургу, конечно, виднее.

Правда, «бесчеловечный закон» уже был, уже действовал! Независимо от нескромных мыслей Ильи Григорьевича о своем влиянии на ход государственных дел еще 15 февраля 1947 года (за год то есть до описанного обсуждения эренбурговской

премии на Политбюро) Президиум Верховного Совета СССР издал Указ, запрещающий браки советских людей с иностранцами, никак это решение не объясняя.

Жарко Броз. Фото: википедия

Впрочем, как раз тогда случилась неприятная, заставлявшая задуматься история: Жарко Броз, старший сын маршала Тито, влюбился в переводчицу советского радио Тамару Вегер, и наши власти дали паре, которая уже ждала ребенка, визу на выезд из СССР. Хоть и с неохотой — как чувствовали, что Югославия из коммунистического блока скоро переметнется в лагерь фашизма и реакции. После разразившегося кризиса в отношениях между нашими странами отца Тамары исключили из партии и сняли с работы, но — поздно, парочка ускользнула.

Потом, уже при Хрущеве, с Иосипом Броз Тито мы помиримся. Но тогда... На советских карикатурах его без окровавленного

топора в руках не изображали. А наша соотечественница билась в сетях кровавого режима.

Да и вообще. Война помимо неисчислимых бед, горя, слез принесла советскому народу и непредусмотренную возможность в невиданных ранее масштабах прикоснуться к миру, повидать его.

«С Европой познакомились» сотни тысяч «перемещенных лиц» — пленных, угнанных, не говорю уже — солдат победоносной армии. Знакомство это часто оборачивалось шоком: все было не так, как долгие годы учила советская пропаганда. Оказалось, живут люди (и *можно жить!*) по-другому.

Властям приходилось что-то срочно делать, подкручивать гайки, пока не полетела вся конструкция.

С заботой о детях

Несколько лет назад на сайте КПРФ публицист А. Трубицын взялся объяснить с общечеловеческих позиций благотворность этого чудовищного закона. Удивительное, неустаревающее объяснение!

Спектакль «Варшавская мелодия» в Театре имени Е.Б. Вахтангова. Мастюков Валентин / ТАСС

«...Смотрено, смотрено было в молодости прекрасного спектакля «Варшавские мелодии» (*«Варшавская мелодия»!* — П. Г.) в великолепном исполнении Юлии Борисовой, примадонны с рыдающим голосом, и Михаила Ульянова. И в носу было щипано от набегающей слезы, и сожалено было любви, разбитой суровым законом, — польская пани уехала в родную Варшаву, а наш незадачливый винодел уехал превращать простой виноград в изысканные напитки к столу широких трудящихся масс.

Ну представим себе, что Сталин не подписал бы закон о запрещении браков с иностранцами, пани певица и винодел счастливо соединились бы. И что?

Последний спектакль, в котором играла блистательная Татьяна Шмыга, недавно ушедшая от нас, был написан как продолжение «Варшавских мелодий» (*«Варшавской мелодии»!* — П. Г.), своего

рода «Варшавские мелодии — 2» («Варшавская мелодия — 2»! — П. Г.). Встретившиеся через много лет, пани и винодел рассказывают друг другу о прожитой жизни. Оказалось, что пани сменила штук пять мужей — о близких знакомых и говорить нечего, — но счастья так и не обрела. Ну стал бы винодел Ульянов первым в этом списке. Ну отрастил бы красивые ветвистые рога. Ну стал бы с горяшка пить и поколачивать пани Борисову. Ну выгнала бы она его, нашла другого, непьющего. А потом третьего-пятого. И кому от того стало бы легче?..

Счастливые браки — дело очень редкое, как выигрыш миллиона в лотерее. А уж счастливый брак людей разных культур, разных цивилизаций, разного менталитета — это как выигрыш миллиона по трамвайному билету. И самые проблемы начинаются с появлением детей, которых каждый пытается воспитывать по-своему — вспомните, сколько сейчас идет драм и судебных тяжб, связанных с правами на детей в браках с иностранцами. Дети здесь — самая страдающая сторона».

Но, слава богу, Иосиф Виссарионович о детях подумал! Тем более что этот детолюбивый закон исчез через шесть лет, был отменен.

С другой стороны, и в иных странах подобные законы, оказывается, действуют (пишет Трубицын); с недавнего времени — в Индии принят (?!).

От себя добавлю — даже во Франции в 1912 году такой закон ненадолго принимался; но такой да не такой, дьявол, он ведь в деталях. Это — во-первых. А во-вторых, что же это нам (сугубым интернационалистам) в пример их развратную демократию постоянно предлагают, а не ограничиваются перечислением

подлинных и достоверных образцов: Саудовской Аравии, КНДР?..

Но в СССР, повторяю, в 1953-м пошли на поводу врагов и закон — отменили. Хотя браки с иностранцами по-прежнему не приветствовались, а даже — наоборот — им ставились всяческие препятствия. Потому что, как известно еще из Булгакова, эти иностранцы, «верите ли, всю душу вымотали!.. Или на шпионит, как последний сукин сын, или же капризами все нервы вымотает: и то ему не так, и это не так!» Это говорил осведомленный человек, Коровьев, черт и переводчик у Воланда.

Общение с иностранцами с самого начала проходило как более чем подозрительное. Справедливости ради следует сказать, что эта традиция шла из глубин веков, хотя от иностранцев Россия пользы, если посчитать, имела куда больше, чем убытков да неприятностей.

При советской же власти эта «традиция» расцвела необычайно.

Удивительные слова выписываю из стенограммы совещания высших наших военных после позорной войны с Финляндией — весной 1940 года.

Мерецков (тогдашний начальник Генштаба). Если посылаешь командира с посылкой за границу, командир боится идти в такую разведку... они говорят, что потом запишут, что они были за границей. Трусят командиры.

Проскуров (начальник Главного разведуправления). Если в личном деле будет записано, что был за границей, то это останется на всю жизнь. Вызываешь иногда замечательных людей, хороших, и они говорят — что угодно делайте, только чтобы в личном деле не было записано, что был за границей.

Сталин. Есть же у нас несколько тысяч человек, которые были за границей. Ничего в этом нет. Это заслуга.

Проскуров. Но на практике не так воспринимается...

Герой Советского Союза генерал-лейтенант авиации Иван Проскуров, по необъяснимой сталинской прихоти ненадолго ставший главным военным разведчиком, был расстрелян 23 февраля 1942 года. В компании еще сорока четырех генералов. Все реабилитированы.

Маршал Егоров, на заседании Военного совета при наркомате обороны (июнь 1937 г.). Эти люди, как вы знаете, первыми были приобщены к западноевропейской культуре. Поехал Тухачевский в 1925 году за границу, поехал Уборевич и Якир. Ну понятно, с точки зрения нас, которые не ездили в эту Западную Европу, мы относились так: люди побывали в Европе...

Голос. Кто ездил в Европу учиться, того можно без зазрения совести забирать...

«Без зазрения совести» и забирали. И расстреливали. В 1940 году Военный совет был распущен: из 83 его членов (в 1937-м) оставалось только девять. Самого Егорова, кстати, расстреляли тоже.

Каждый побывавший за границей был подозрителен. Несколько фамилий людей, «сделавших» нашу индустриализацию:

Саул Брон, руководивший Амторгом и заключивший с капиталистами уникальные контракты на сотни заводов, — расстрелян.

Начальник Магнитостроя Яков Гугель — расстрелян.

Начальник строительства и первый директор Челябинского тракторного Казимир Ловин — расстрелян.

Сергей Франкфурт, начальник Кузнецкстроя, первый директор Кузнецкого металлургического комбината, — расстрелян...

Тысячи командированных учиться за границу — расстреляны.

И реабилитированы.

Члены Политбюро с группой кинооператоров и фотокорреспондентов, обслуживавших Съезд колхозников-ударников. Фото: Евгений Халдей / МАММ МДФ

В виде исключения, по распоряжению министра

Но война поставила новые вопросы. Уже не директора и генералы — сотни тысяч «простых людей», которым так привычно было морочить голову раньше, «все увидели», как я уже говорил, собственными глазами. Не все «у них» оказалось так плохо, не все их рабочие голодают и мечтают попасть «к нам», в «республику труда». В щелки из-за железного занавеса начала пробиваться вода и могла — хлынуть.

Давно ли советский писатель Валентин Катаев писал в романе «Время, вперед!» об указателе с надписью «Азия — Европа», который видят из окна пассажиры поезда, пересекающего Урал: «Бессмысленный столб... Я требую его снять! Никогда больше не будем мы Азией. Никогда, никогда, никогда!..»

«Азию» прошу воспринимать здесь исключительно как метафору. Как, впрочем, и «Европу».

Закон о запрещении браков с иностранцами пришлось отменить. С ним трудно было говорить о мирном существовании и соревновании систем.

Когда недоверие к человеку по-прежнему ставилось во главу угла и оправдывать его «интересами государства» становилось все труднее.

Вот какой случай произошел с американским переводчиком Робертом Такером. Сотрудник посольства США в Москве Такер влюбился в юную студентку Московского полиграфического института Евгению Пестрецову. Они поженились как раз накануне принятия злополучного закона, и, чтобы спасти брак, Такер остался в Москве. Пара все-таки дождалась отмены закона в 1953 году, после чего Роберт и Евгения уехали в США. Такер, кстати, впоследствии стал выдающимся советологом.

Роберт Такер. Фото: википедия

Евгении Думновой, вышедшей замуж за работника уругвайского посольства, удалось уехать с мужем только после того, как лично министр иностранных дел Уругвая обратился с персональной просьбой к Молотову.

Но в других случаях семейным парам предстояло пройти через более серьезные испытания. Один из подобных браков закончился международным скандалом в ООН. В конце 1946 года комсомолка Лидия Лесина вышла замуж за сына чилийского посла Окампо. А осенью 1947-го между СССР и Чили произошел дипломатический конфликт, закончившийся разрывом отношений. Однако семья Окампо категорически отказалась покидать СССР до тех пор, пока советские органы не разрешат Лесиной уехать вместе с мужем. Чилийские власти поддержали своего посла и запретили советской дипмиссии покидать страну до тех пор, пока Окампо не разрешат увезти

жену.

Наконец летом 1948 года Окампо, назначенный представителем Чили в ООН, все-таки уехал из Москвы. Однако его сын отказался уезжать без жены. Пара поселилась в «Национале», где супруг неотлучно находился при жене, опасаясь ее ареста. Окампо-старший подал в Юридический комитет ООН жалобу на действия СССР, что привело к скандалу, но не поколебало решимости советского руководства Лесину не выпускать.

Все это время МГБ настойчиво ее обрабатывало, требуя развестись с мужем. Однако ни уговоры спецслужб, ни просьбы родственников не повлияли на стойкую комсомолку.

Дело Лесиной-Окампо рассматривалось в Совете министров СССР! Глава органов госбезопасности Игнатьев предложил выслать чилийца из страны, а Лесину арестовать по 58-й статье. Но через несколько месяцев умер Сталин, и всем стало не до супругов. В конце 1953 года, выдержав пятилетнюю осаду, Окампо и Лесина уехали в Чили.

Однако не все подобные истории заканчивались благополучно. Мишка Бабичефф был сыном русского офицера-драгуна и родственницы эфиопского императора Мелика II, с которой он познакомился в начале XX века, будучи членом русской миссии при эфиопском дворе. Бабичефф учился в Европе, некоторое время был личным пилотом императора, а затем возглавлял ВВС Эфиопии. В 1944 году он был назначен временным поверенным в СССР.

В Москве он женился на советской гражданке Людмиле Нестеренковой, в 1947 году у них родился ребенок. Но в 1948-м Бабичефф перенес инсульт и вынужден был выехать на лечение в Швецию. Жену и ребенка с ним не отпустили. По состоянию здоровья он больше не мог выполнять функции дипработника и уехал на родину. После того как в СССР узнали,

что Бабичефф не вернется, его брак с Нестеренковой был аннулирован. Несмотря на то что Бабичефф подключил к этому делу эфиопского императора, он так и не добился разрешения на выезд Нестеренковой. Он так и не увидел жену и сына до самой своей смерти в 1964 году.

Обезвреженные шпионки

Широко известна трагическая, по сути, история знаменитой когда-то киноактрисы Зои Федоровой. В 1945 году на приеме в Наркомате иностранных дел она познакомилась с военно-морским атташе США [Джексоном Тейтом](#), от которого 18 января 1946 года родила дочь [Викторию](#) (Тейт в качестве «нежелательного лица» к тому времени по требованию советского правительства уже покинул СССР; о беременности Федоровой он так и не узнал). Пытаясь скрыть факт рождения ребенка от иностранца, актриса спешно вышла замуж за композитора [Александра Рязанова](#), с оркестром которого выступала в начале 1940-х годов.

Виктория Федорова с сыном и мамой Зоей Федоровой. Фото: архив

В конце 1946-го Федорова была арестована в своей квартире. Изобличенная «как агент иностранной разведки», участница «группы англо-американской ориентации, стоящей на позициях активной борьбы с советской властью», и после предварительного заключения на [Лубянке](#) и в [Лефортовской тюрьме](#) в августе 1947 года она была приговорена за «шпионаж» к 25 годам лагерей с [конфискацией имущества](#); ее сестра Мария — к 10 годам [лагерей](#) (скончалась до истечения срока в 1952 году).

8 сентября 1947 года, услышав приговор, Зоя Федорова совершила попытку самоубийства в одиночной камере Лефортовской тюрьмы. Но ее спасли. 20 декабря она написала из лагеря в Потье письмо **Берии**:

«Многоуважаемый Лаврентий Павлович! Обращаюсь к Вам за помощью, спасите меня. Я не могу понять, за что меня так жестоко терзают. В январе месяце 1941-го, будучи несколько раз у Вас на приеме по личным вопросам, я хорошо запомнила Ваши слова. Вы разрешили обращаться к Вам за помощью в тяжелые минуты жизни. И вот тяжелые минуты для меня настали... Я бы сказала — смертельные. В глубоком отчаянии обращаюсь к вам за помощью и справедливостью. 27 декабря 1946 года я была арестована. Я была крайне удивлена этим арестом, так как не знала за собой никаких преступлений... Инкриминированное мне преступление и весь ход следствия напоминает какую-то кровавую комедию, построенную следователями на нескольких неосторожно сказанных мною фразах, в результате чего на бумаге из меня сделали чудовище. Я пыталась возражать и спрашивала: «Зачем вы все преувеличиваете и сами за меня отвечаете?» А мне говорили, что если записывать мои ответы, то протоколы будут безграмотны. «Вы боитесь терминов», — говорили мне и вставляли в мои ответы термины — один другого ужаснее, один другого позорнее, делавшие из меня изверга и изменника Родины... Следователи говорили мне: «Не бойтесь, эти протоколы будут читать умные люди... Да и вообще, это дело вряд ли дойдет до суда...» Умереть мне не дали...

Потом я была отправлена в Темниковские лагеря — больная, полусумасшедшая. Но Особому совещанию показалось недостаточным столь суровое наказание, и через два месяца они решили добавить конфискацию имущества, отнять то, что было нажито в течение всей

жизни честным трудом. Этим они наказали не меня, а моих маленьких детей, которых у меня на иждивении было четверо: самой маленькой, дочери, два года, а самому старшему, племяннику, десять лет. Я умоляю Вас, многоуважаемый Лаврентий Павлович, спасите меня! Я чувствую себя виноватой за легкомысленный характер и несдержанный язык. Я хорошо поняла свои ошибки и взываю к Вам как к родному отцу. Верните меня к жизни! Верните меня в Москву! За что же я должна погибнуть? Единственная надежда у меня на Ваше справедливое решение».

Встреча Викторией Федоровой со своим отцом. 1975 год. Фото: архив

Берия («родной отец»), конечно, не помог.

Федорова сидела во «Владимирском централье» в одной камере с **Лидией Руслановой**. У нее потом и жила в Москве некоторое время после освобождения, оказавшись без жилья, без денег, без работы. Еще **Сергей Михалков** помог — просто дал актрисе две тысячи рублей.

С 1947 года ее дочь Виктория Федорова жила в ссылке в селе **Полудино** на **севере Казахстана**, не зная о том, кто ее настоящая мать.

Зоя Федорова вышла на свободу в 1955 году. 23 февраля воссоединилась с дочерью Викторией и вскоре вернулась к съемкам в кино, преимущественно в небольших характерных ролях.

С 1955 года неоднократно пыталась связаться с отцом своей дочери, пока ее историю в 1959 году не рассказали американке Ирен Кирк, гиду на американской выставке в Москве. Кирк связалась с Джексоном Тейтом, после чего он начал обмениваться с Зоей письмами и телефонными звонками. В 1976 году актрисе разрешили побывать в США, где она встретила с Джексоном.

После смерти Тейта в 1978 году Федорова еще дважды приезжала в США к дочери (тоже актрисе, эмигрировавшей в 1975 году), а затем начала собирать документы для выезда в Америку на постоянное место жительства.

Джексон Тейт. 1945 год. Фото: википедия

10 декабря 1981 года Зоя Федорова была убита выстрелом в затылок из немецкого пистолета [Sauer](#) в своей квартире на [Кутузовском проспекте](#). Убийство осталось нераскрытым.

Кстати, власти СССР не пустили Викторию на похороны матери.

При Хрущеве за романы с иностранцами увольняли с работы, препятствовали новому трудоустройству и даже высылали в отдаленные районы страны. Сами же браки расценивались как «предательство», осуждались в советской прессе и на «собраниях общественности» по месту работы. Женщин чаще всего обвиняли в шпионаже. Выйти замуж за иностранца из капиталистической страны можно было, только отказавшись от гражданства СССР. А это — «измена Родине».

Инга Артамонова, которая четыре раза стала абсолютной

чемпионкой мира в конькобежном спорте, в 1958 году на соревнованиях познакомилась со шведским спринтером Бенгдтом. Вернувшись в Москву, стала переписываться с ним, зашел разговор о свадьбе. И тут на женщину стал давить КГБ. По ряду свидетельств, сотрудник спецслужб часто подстерегал Ингу на улице и постоянно говорил ей о том, что же будет с ее родными, если она «сбежит» в Швецию. Инга не выдержала и сдалась. В награду ей выделили целую комнату в коммуналке. Позже вышла замуж за соседа по квартире, который в 1966 году из ревности убил Артамонову ударом заточенного напильника в сердце.

Отступление о советско-вьетнамской дружбе

Немного мягче относились к тем, кто влюблялся в людей из стран соцлагеря.

Уникальная история произошла с будущим академиком-математиком, а тогда профессором Виктором Масловым. Эту историю даже можно было бы назвать — счастливой, если бы не трагическая концовка.

«Мы встретились на физфаке МГУ, где Ань училась, — пишет Маслов в своих воспоминаниях. — К моменту знакомства с Ань я уже был профессором, доктором физико-математических наук и автором теории, получившей за границей название Maslov-type index theory. Она широко применяется в абстрактной математике, а также в квантовой механике, квантовой химии и оптике. Основным местом работы для меня был МИЭМ — Московский институт электронного машиностроения, — но физфак оставался родным домом:

там я тоже когда-то учился и преподавал...»

Потом Маслов узнал, что в жилах Ань кроме вьетнамской крови текла еще и китайская. Ее мать, Бай Вань, на четверть китаянка. Во Вьетнаме об этом не знали, семья скрывала «связь с Китаем». Правда, в детстве Ань какое-то время жила в этой стране. Подружкой ее была дочь Дэн Сяопина — приятеля отца и второго человека в Поднебесной после Мао. С Великим кормчим девочка тоже была знакома. Ань показывала фото: она на коленях у Мао Цзэдуна...

«Я понимал, каким испытанием была для Ань любовь к европейцу. Но не осознавал масштаба стоявших перед ней проблем, среди которых были не только вековые традиции и нормы морали, но и внутривластные интриги, и запутанные международные отношения. Я ведь тогда даже не подозревал, что Ань — дочь генерального секретаря ЦК компартии!.. По ее фамилии и имени вычислить это было невозможно. Как выяснилось впоследствии, на физфаке кроме нескольких соотечественников о родстве Ань с вьетнамским вождем знал только один человек — замдекана по работе с иностранцами».

В эпоху застоя браки жителей Москвы и Московской области с иностранными гражданами оформляли только два загса — один в Москве, другой в Загорске. Но, по тогдашнему законодательству, при отсутствии загса в каком-либо

населенном пункте брак могли зарегистрировать представители местного Совета народных депутатов. Маслов решил этим воспользоваться и оформить брак в Троицке. В подмосковном Академгородке у него было много друзей во всех институтах. Конечно, если бы они знали, кто невеста, то вряд ли рискнули бы помогать с женитьбой. Пришлось обманывать и даже сострять поддельное разрешение на брак из вьетнамского посольства. А самое главное — оформить для верности прописку в Троицке.

«...Ле Зуан (*генсек ЦК компартии Вьетнама. — Ред.*) долго не мог смириться с тем, что дочь его ослушалась, нарушила закон и вышла замуж за иностранца. Он обратился к Сулову (*секретарь ЦК КПСС. — Ред.*), которого близко знал, с просьбой выяснить, что связывает со мной Ань — мимолетное увлечение или настоящая любовь. Тогда КГБ приставил к нам «специалиста по любви». Он тайком бродил вокруг дачи, на которой мы жили, подглядывал, подслушивал и был вынужден констатировать: это любовь.

Благодаря нашей истории произошли важные изменения не только в жизни семьи Ле Зуана, но и целой страны. Во Вьетнаме приняли закон, разрешавший браки с иностранцами. Ань сразу позвонила подруге, у которой был роман с восточным немцем: «Ты настоящая героиня! На тебя будут молиться тысячи людей! Дай тебе бог счастья!..»

Счастье было недолгим. Ань родила Маслову двух дочерей и умерла при родах сына.

«...В последний раз увидел Ань на прощании в крематории — через десять дней. Решение о кремации принимал не я. Меня вообще никто не спрашивал, как хочу похоронить жену. Почему ждали так долго, осталось загадкой. Возможно, в Москву тайно приезжал Ле Зуан. Я его не видел, а мать прилетела сразу. Прах Ань отправили во Вьетнам».

А Ле Зуан потребовал, чтобы его внуки переехали в Ханой.

Маслову пришлось долго бороться за своих детей с их дедом Ле Зуаном. Эта борьба закончилась «победой» отца только в 1985 году, дети остались в России. Своего тестя Маслов не видел ни разу.

Котел взорвался!

Шествие участников Фестиваля молодежи и студентов в Москве, 1957 год. Фото: википедия

В 1957 году в Москве грянул Фестиваль молодежи и студентов в Москве.

О некоторых неожиданных итогах этого фестиваля рассказал знаменитый саксофонист Алексей Козлов.

«...То, что произошло, покорило даже меня, тогдашнего горячего сторонника свободного секса... А происходило вот что. К ночи, когда темнело, толпы девиц со всех концов Москвы пробирались к тем местам, где проживали иностранные делегации. Это были различные студенческие общежития и гостиницы, находившиеся на окраинах города. Одним из таких типичных мест был гостиничный комплекс «Турист», построенный за ВДНХ. В то время это был край Москвы, так как дальше жилых домов еще не было, а шли колхозные поля. В гостиничные корпуса советским девушкам прорваться было невозможно, так как все было оцеплено профессионалами — чекистами и любителями — дружинниками.

Образ загадочной, стеснительной и целомудренной русской девушки-комсомолки не то чтобы рухнул, а скорее обогатился какой-то новой, неожиданной чертой — безрассудным, отчаянным распутством... Реакция подразделений нравственно-идеологического порядка не заставила себя ждать. Срочно были организованы специальные летучие моторизованные дружины на грузовиках, снабженные осветительными приборами, ножницами и парикмахерскими машинками для стрижки волос наголо... Чтобы не терять времени и впоследствии иметь возможность опознать хотя бы часть любительниц ночных приключений, у них выстригалась часть волос, делалась такая «просека», после которой девице оставалось только одно — постричься наголо и растить волосы заново.

Сразу после окончания фестиваля у жителей Москвы появился особо пристальный интерес ко всем девушкам, носившим на голове плотно повязанный платок, наводивший на подозрение об отсутствии под ним волос. Много трагедий произошло в семьях, в учебных заведениях и на предприятиях, где скрыть отсутствие волос было труднее, чем просто на улице, в метро или троллейбусе. Еще труднее оказалось утаить от общества появившихся через девять месяцев малышкой, чаще всего не похожих на русских детей, да и на собственную маму ни цветом кожи, ни разрезом глаз, ни строением тела...»

Комментировать не стану. За некоторые возможные преувеличения, заранее извиняюсь перед несправедливо обиженными.

Пример для молодежи

Сам был свидетелем, как на митинге в Новопушкинском сквере в Москве выступала знаменитая Ирина Бергсет из патриотического движения «Русские матери». Ее сына норвежский суд оставил на воспитание отцу — Кнуту Бергсету, а мать отправил на родину. «Моего сына одевают в костюм

Путина, и люди становятся в очередь, чтобы насиловать моего четырехлетнего мальчика», — рассказывала Бергсет о бытующих в Норвегии злодеяниях. Думаю, бесчеловечный норвежский суд, выслушав душераздирающую версию Ирины о преступлениях бывшего мужа, и не мог принять иного решения. То ли фантазия не такая бурная, то ли доказательств не хватило...

Режиссер Тигран Кеосаян, актер Леонид Ярмольник и член общественного совета движения МГЕР Анна Чапман. Фото: ITAR-TASS

А вот героические разведчицы-патриотки — Бутина и Чэпмен. Интересно, как бы обе совершали свои подвиги, если б свирепый сталинский закон продолжал действовать? А так они преспокойно выходили замуж за легковерных иностранцев, потом разводились с ними, играли свадьбы со следующими такими же ротозеями... И непрерывно совершали подвиги, героически меняя супружеские постели. Их заслуженно ставят в пример подрастающим поколениям.

Кстати, по словам тогдашнего главы советского правительства, судьба разведчиков «очень тяжела». «Только представьте: во-первых, нужно освоить язык на уровне родного, думать, говорить на нем, выполнять то, что предписано заданием в интересах своей родины в течение многих-многих лет», — сказал Путин.

Бутина сейчас (как и Чэпмен вернувшаяся в Россию после американской тюрьмы в результате обмена) — депутат Госдумы, соавтор обескураживающе полезных законов. Чэпмен пыталась возглавить молодежное движение, справилась не очень, теперь телеведущая. Как Анна с новыми для себя профессиональными задачами справляется, не знаю — не смотрю телевизор.

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[«Надевали наручники и били из пистолетов в затылок»](#)

К годовщине преступления в Катыни появились «новые документы» ФСБ, «доказывающие», что расстреляли поляков немцы, а не чекисты

10:38, 20 апреля 2024, Павел Гутионтов